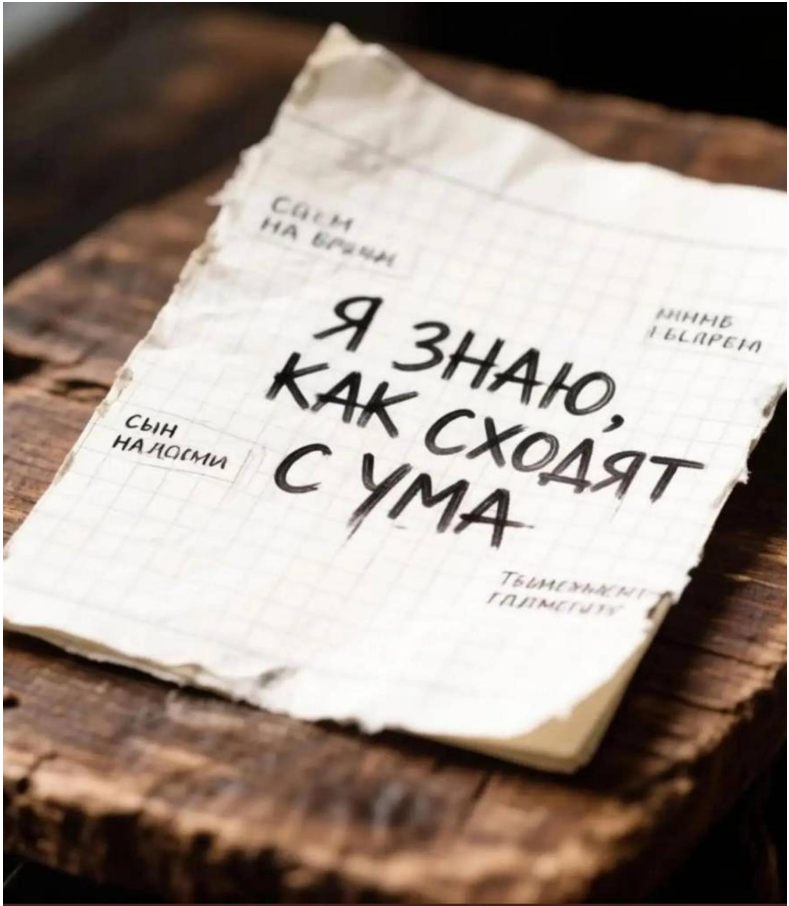

Марина Гребмаш

18+

Марина Гребмаш
Я знаю, как сходят с ума

https://litres.ru/74690789
SelfPub; 2026

Аннотация

Я знаю, как сходят с ума,
Сходила недавно сама...
Не в пропасть, не в тёмный подвал —
В тот угол, где разум дремал.
(Марина Гребмаш)

Тишина в палате оглушает сильнее крика. Особенно когда ты совсем одна.

Я пыталась спасти семью от финансового краха и взяла удар на себя, а муж спас семейный бюджет, застегивая на мне «смирительную рубашку». Он сохранил деньги, но забыл спасти жену.

Эта книга — мой отчет о командировке в Ад, куда меня «упекли подлечить нервы». Здесь грань между сном и явью тоньше паутины, а белые стены давят на виски. Самое страшное здесь — не решетки. Самое страшное — одиночество вменяемого человека среди безумцев.

Но именно на дне отчаяния я поняла: спасательный круг никто не бросит. Его нужно вырывать самой.

Это не жалоба. Это — манифест женщины, которая поняла: чтобы сохранить себя, порой нужно потерять всё.

Для тех, кто знает: иногда, чтобы выжить, нужно просто перестать быть удобной.

Я знаю, как сходят с ума

Категория ограничения – 18+!

ЧАСТЬ 1: Я ЗНАЮ, КАК СХОДЯТ С УМА

Я знаю, как сходят с ума,
Сходила недавно сама...
Не в пропасть, не в тёмный подвал —
В тот угол, где разум дремал.
(Марина Гребмаш)

ГЛАВА 1: Архитектура падения: « Бетонный Эдем»

То, что ранее представлялось лишь ночным кошмаром, стало холодной правдой моего существования. Железные двери психиатрического отделения закрылись за моей спиной навсегда, запечатывая меня внутри тихого царства хаоса. Четыре стены бледно-зелёного цвета холодно смотрели на моё присутствие, и шум сотен шагов больных эхом отдавался в коридорах, наполняя пространство безумным гулом.

Меня определили в шестиместную палату, где пациенты жили бок о бок, образуя гротескную картину человеческого упадка. Бритые головы, спутанные волосы, равнодушные взгляды — здесь царствовали одержимость и боль. Женщины, утратившие надежду и смысл жизни, следовали за каждым моим движением, создавая атмосферу липкой тревоги.

Сердечный ритм ускорялся, а разум отчаянно пытался со-

противляться реальности. Изоляция от внешнего мира заставила мой внутренний голос звучать яснее, повторяя вновь и вновь: жизнь изменилась навсегда.

Посмотрев на своё отражение в зеркале приёмного покоя, я осознала пропасть между собой и остальными. Чёрная водолазка и кожаные брюки выделяли меня на фоне пациентов, чей внешний вид говорил о долгом заточении. Моя одежда стала символом отличия, подчёркивая непохожесть и усиливая одиночество.

Единственное утешение заключалось в знании, что ситуация временна, однако перспектива неизвестности пугала сильнее всего. Отсутствие связи с внешним миром оставляло меня наедине с собственными мыслями.

Первым делом взгляд остановился на металлических кроватях — грубых конструкциях с сеткой и потертыми матрасами в оранжевых клеенчатых чехлах. Запах старой ткани, смешанный с амбре застарелых медикаментов и мочи, вызывал тошноту. Ощущение беспомощности накрывало волной, делая невозможным даже думать о будущем.

В таком состоянии прошло первое утро. Утро, которое позже превратится в долгие часы размышлений и поиска смысла.

Но одна деталь оставалась неизменной — необходимость верить в собственное достоинство. Именно эта вера помогла пережить первый день, став источником вдохновения для будущих испытаний.

Начало пути оказалось суровым уроком смирения. Однако я понимала, что именно здесь зародятся образы для будущего творчества. Мой опыт мог стать ресурсом для понимания глубин человеческой души.

Я решила сделать из каждого момента повод для осознания ценности свободы и силы духа.

ГЛАВА 2: ТАЙНА, СКРЫТАЯ СТЕНАМИ

Ночь окутывала стены клиники тяжёлым покрывалом тишины. Она, полная тревожных мыслей и сомнений, подступала вплотную к сердцу, заставляя содрогаться от напряжения.

Наступил миг истины — признаться супругу в покупке автомобиля. Каждый мускул тела противился этому поступку, однако разум настойчиво твердил: чистосердечность способна облегчить наказание. Только мужчина, ставший спутником жизни, мог спасти ситуацию, разрушенную моей легкомысленностью и поспешностью, которых я раньше не осознавала.

Вечернее свидание должно было стать переломным моментом, осветившим сумрак тайны, скрывающей правду о приобретении машины. Ведь бывший муж намеревался воспользоваться ситуацией, взяв кредит на разницу стоимости двух принадлежащих нам квартир. Одна из них, самая дорогая, служила последним пристанищем на случай финансового краха, но он ничего не знал о временной остановке процедуры банкротства, продиктованной управляющим суда.

Судьба распорядилась так, что я оказалась в мире душевнобольных, ограждённая стенами лечебницы, как неприступной крепостью. Окружающие воспринимали её как островок спокойствия среди бурлящего моря хаоса. Внутри же бушевала настоящая битва чувств и эмоций, обнажающая истину ранее скрытых страхов.

Разговор с мужем был серьёзным и напряжённым. Он потребовал отдать ключи от квартиры, утверждая, что скоро начнётся отопительный сезон, в то время как раньше ему было всё равно. Когда я напомнила, что запасные ключи есть у дочери, оказалось, что дочь оставила их своему отцу, а я случайно захватила их вместе со связкой ключей ребёнка. Это обстоятельство вызвало недоумение и тревогу, особенно после воспоминаний о странных событиях, происходивших в доме раньше. Казалось, тёмные силы вторглись в это пространство, оставив след ужаса.

Муж настаивал на передаче ключей, вероятно, рассчитывая устроить проверку или подготовить неприятный сюрприз со сменой замков. Что именно он хотел найти, оставалось загадкой. Может быть, надеялся застать кого-то врасплох, обнаружив нечто компрометирующее? Или пытался защитить своё имущество, боясь последствий моих финансовых решений?

Этот эпизод вызвал глубокий страх. Жилище было для меня священным пространством, символом личной территории, куда посторонним доступ был запрещён. Муж проявлял

равнодушие к дому, не испытывая привязанности, тогда как я видела в нём источник комфорта и защиты.

Итог беседы оставил горькое послевкусие. Муж открыто выразил недовольство моим поведением, обвинив в халатности и пренебрежении детьми. Сложившаяся ситуация говорила о том, что смену фамилии придётся отложить из-за пребывания в лечебнице. Справка о болезни станет важным аргументом в будущем, избавляющим от ненужных неприятностей.

Таким образом, разговор завершился. Интонации были ровными, мысли — чёткими. Обсуждение прошло в присутствии свидетелей, придавая событию оттенок театральности. Уверенность и лидерские качества, присущие мне в обычной жизни, остались далеко за пределами стен больницы, утратив силу в новом измерении реальности.

ГЛАВА 3: ПОСТЕДНИЙ ГЛОТОК СВОБОДЫ

Моё дыхание прерывисто колебалось в такт биению сердца, словно хрупкий мостик над пропастью безумия. Я была заключённой собственной судьбы, замурованной в стенах единственного учреждения, ставшего временным прибежищем. Больница стала мне домом — единственным местом, где ещё сохранился намёк на свободу воли. Здесь я могла обрести спокойствие, пусть даже ценой четырёх сигарет ежедневно, выдаваемых ровно в половине десятого утра.

Попрошайки — бритые головы, распухшие глаза и тёмные тени, будто вышедшие из бездны ада, — кружились рядом,

подобно голодным хищникам, ожидающим крошку счастья. Их голоса звучали жалобно, почти моляще, прося лишь одну маленькую затяжку, способную наполнить лёгкие крупицей удовольствия. Но теперь каждая сигарета приносила не облегчение, а лишь обострение вкуса, раскрашивая мир новыми красками отчаяния.

Я научилась говорить твёрдое «нет» — сухое и резкое, точно клинком рассекающее воздух. Сигареты были драгоценностью, единственной возможностью прикоснуться к миру снаружи. Мы берегли каждую затяжку, считая минуты до следующей выдачи заветных пачек.

Но самое страшное ожидало впереди. Врач, чьё слово могло определить всю дальнейшую жизнь, стоял за дверью кабинета, готовый поставить диагноз, который мог лишить меня права управлять автомобилем навсегда. Страх потерять машину — ту самую, что стала причиной нервного срыва и потери контроля над жизнью, — захлестнул сознание волной паники. Руки дрожали, сердце колотилось, будто стремясь вырваться наружу.

Автомобиль стал символическим рубежом, началом конца. Семья отреагировала мгновенно, обрушившись шквалом негодования и обвинений, отказываясь понимать мою отчаянную потребность в транспортном средстве. Они видели лишь безумие, стоящее за рулём, игнорируя истинную причину кризиса — нездоровые отношения в семье.

Ангел-хранитель, тайно спрятанный в глубине нижнего

белья, шептал утешительные слова: всё можно поправить, исправить, изменить... Всё, кроме смерти. Значит, надежда оставалась жива, и выход существовал даже там, где, казалось, его нет.

И вот наступил решающий момент. Телефон звонил настойчиво, призывая действовать немедленно. Менеджер автосалона ждал звонка: приобретённая машина становилась обузой, обременяя двойными расходами. Автомобиль, купленный в салоне подержанных авто, стремительно терял ценность, превращаясь в бесполезный груз. Необходимо было предупредить салон о своём пребывании в больнице, защитить имущество и оформить страховку, которой пока не существовало.

Кредитные карты грозили тяжким бременем. Их задолженность нависала над головой чёрной тучей. Платёжный срок неумолимо приближался, грозя полным крахом. Лимит был давно исчерпан, обязательства накапливались лавиной, которую невозможно остановить без решительных действий. Рефинансирование представлялось невозможным, и лишь продажа авто казалась выходом.

Однако и тут возникла проблема: автомобиль всё ещё числился за прежним владельцем, несмотря на отсутствие регистрации. Машина считалась купленной мной, и эта неожиданность поставила крест на планах, вынуждая искать новые пути.

Время бежало неумолимо вперёд, каждое мгновение ста-

новилось испытанием силы духа. Однако внутренний голос продолжал повторять: решение найдётся, надежда существует, и путь из лабиринта непременно откроется.

ГЛАВА 4: ВОДОВОРОТ ПРИЗНАНИЙ

Моя жизнь превратилась в бесконечный водоворот нелепых обстоятельств и странных решений, среди которых одно затерялось глубже прочих — покупка автомобиля. Тот момент назревал давно, и теперь наступил час признаться в этом бывшему супругу. Всё тело кричало: «Нет, не говори!» Но разум шептал: «Это единственный выход».

Ночь была прохладной и тихой — идеально подходящей для неприятных откровений. Визит в психиатрическую больницу наложил особый отпечаток на нашу встречу. Глаза мужа выглядели спокойнее обычного, губы плотно сомкнуты, а подбородок приподнят чуть выше привычного уровня уверенности. Наш разговор начинался сложно, почти болезненно, но необходимость подтолкнула нас обоих вперёд.

Перед ним лежали факты: недвижимость, обременённая долгами; машина, приобретённая тайком; банкротство, временно приостановленное судом, а также документы, спрятанные в надежном месте — в МФЦ. Несмотря на напряжённость, я видела искреннюю заботу в глазах бывшего возлюбленного. Казалось, он понимал, насколько непросто мне даётся такое признание.

Но вот возникла новая загадка. Почему он настойчиво требует ключи от моей квартиры? Ведь у дочери есть соб-

ственный комплект, разве нет? Или отец забрал её связку? Нет ясности, почему муж вдруг решил стать хранителем моего убежища.

Его мотивы оставались туманными. То ли он проверял, что творится в комнатах, где якобы проводились оргии и попойки, то ли, наоборот, собирался устроить сюрпризы, сменив замки? Последнее представлялось маловероятным, зная его лень и равнодушие ко всему, кроме собственных удобств, хотя секрет ключа сменить он бы мог. Квартира оставалась единственным местом, где я чувствовала себя в безопасности, — собственным островком покоя посреди бурлящего океана жизненных трудностей.

Несмотря на тревожные обстоятельства, исход нашего разговора оказался позитивным. Поддержка мужа придала сил, уверенность вернулась, хотя и слабым эхом прежней храбрости, отражённой в холодных стёклах окон клиники. Жизнь снова начала обретать краски, пусть и тусклые, покрытые слоем тревоги и сомнений.

Теперь следовало отложить смену фамилии: справка о пребывании в больнице освободит меня от штрафов. Мир казался полон ловушек и неожиданностей, но благодаря открытому разговору надежда появилась вновь. Таким образом, моя непростая борьба завершилась победой — психологической поддержкой близкого человека и осознанием, что иногда честность спасает от худших последствий.

ГЛАВА 5: БОРЬБА ЗА НАДЕЖДУ

Здесь тихо, почти уютно, несмотря на окружающие стены и странные взгляды соседей по палатам. Но эта тишина обманчива, словно плёнка над бурлящим океаном безумия. После долгого разговора с врачом я наконец почувствовала облегчение. Мне показалось важным рассказать обо всех обстоятельствах, вызвавших тревогу и моё пребывание здесь. Врач внимательно выслушал мои доводы и аргументы, проявляя уважение, понимание и даже — заинтересованность.

И вот теперь я переживаю нечто вроде второго акта моего эксперимента: испытание собственной стойкости перед лицом изоляции. Я научилась принимать ситуацию, которую сама не выбирала. Несмотря на отсутствие медикаментозного вмешательства, обстановка вокруг заставляет внимательнее относиться к деталям и наблюдать за происходящими процессами.

В моем временном убежище обитают разные пациенты, каждый со своей историей болезни. Многие приветствуют меня улыбками, стараясь завести разговор и выяснить подробности моего нахождения здесь. Иногда приходится повторять одно и то же много раз подряд: «Да, впервые тут оказалась, и надеюсь, что в последний».

Вечером ситуация обостряется. Меня огорчили отказом в передаче любимых сладостей, включая заветные козинаки, кусочек которых хотелось спрятать подальше и съесть незаметно ночью. Понимая бесполезность жалоб, я решила отправиться в дамскую комнату, выполняющую одновременно

роль туалета и курилки. Атмосфера там была накаленной — дым клубился густым облаком, смешиваясь с запахом пота и дешевого дезодоранта. Моя соседка сидела на краю унитаза, и наши взгляды встретились. Мы безмолвно обменялись понимающими улыбками, осознавая всю абсурдность ситуации.

Решив немного отвлечься, я села на тумбочку возле открытого окна, поставленную между двумя кроватями. Раздавшиеся голоса вновь напомнили о проблемах окружающих пациентов. Кто-то просил сигарету, кто-то отчаянно пытался доесть чужой бутерброд. Женщины постоянно выясняют очередность курения оставшихся сигарет, чьи руки кажутся растянутыми в бесконечном ожидании никотинового удовольствия.

Откинувшись назад и наблюдая за этими сценами, я подумала, насколько низко способен опуститься человек, зависящий от привычки курить. Люди теряют контроль над собой, позволяя тяге управлять поведением. Эти размышления вызывают чувство тревоги и страха перед таким падением.

Закончился вечер утомительной игрой в «мониторинговые игры»: попытка услышать собственный желудок, настойчиво запрашивающий еду, становится своеобразным ритуалом. Затем начинают звучать народные мотивы, исполняемые пациентками с чувством глубокого понимания и желанием поднять настроение друг другу. Этот музыкальный контрапункт подчеркивает одиночество каждого из нас, при-

кованного условиями клиники к одному месту и одной судьбе.

Теперь остается ждать утра следующего дня, надеясь, что оно принесет новый опыт и шанс на выздоровление. Возможно, завтра получится поговорить с врачами о переводе на амбулаторное лечение и моём посещении из дома. Хотя шансы малы, надежда сохраняется, ведь мы живём именно ею.

ГЛАВА 6: ПУТЕШЕСТВИЕ В МИР БЕЗУМИЯ

Жизнь в психиатрическом отделении струилась еле слышимым шёпотом, растворяя дни в сумрачной паутине повседневности. Здесь стены пропитались тяжелыми ароматами медикаментов, перемешанными с запахами чужих историй и забытых тайн. Эти серые коридоры встретили меня как старого друга, приветливо раскрыв объятия привычного одиночества.

Внутренняя вселенная постепенно адаптировалась к новому ритму существования, наперекор всему стараясь сохранить целостность среди хаоса. Предложенная терапия лишь слегка касалась поверхности моего сознания, оставляя простор для собственных мыслей. Я приняла решение испытать пределы выдержки, став наблюдательницей чужой драмы, разворачивающейся вокруг. Другого варианта у меня не было.

Один осенний полдень привел меня на приём к врачу, чьё лицо излучало мудрость. Там я раскрыла душу, поведав о терзающих чувствах, накопленных годами замкнутого су-

ществования. Признания слетели с губ легко, почти невольно. Среди откровений прозвучала мечта вновь взглянуть на страницу того сайта, от которого я отказалась много лет назад.

Прошло около шести с половиной лет. Благодаря поддержке доктора судьба снова привела меня туда, откуда начался путь — перед экраном монитора открылась страница прошлого. Однако на сей раз цель изменилась: следовало соединить нити воспоминаний с образом мужчины, запечатлённого на экране.

— Доктор, не кажется ли вам, что этот мужчина вызывает подозрения? И зачем ему нужно было, чтобы я научилась фотографировать, сделав снимок на мою камеру? — осторожно спросила я, надеясь услышать подтверждение своим мыслям.

Врач внимательно выслушал мои доводы и согласился приступить к расследованию. Это было одновременно невероятно и захватывающе: наконец-то появилась возможность подтвердить или опровергнуть догадки относительно возможной связи этого человека с моими недугами.

Теперь предстояло ждать результатов анализов и принять решение о дальнейших действиях. Всё бы ничего, если бы не вечные будничные заботы. Медсёстры, выполняющие роль часов, ежедневно обходили палаты, раздавая лекарства. Однажды вечером ожидание любимых козинаков превратилось в разочарование: маленькие радости исчезли, оставив гнету-

щую пустоту. Чашка прохладного кефира из железной кружки едва спасала положение, укрощая желудок. Санитарки четыре раза останавливали меня на посту, гневно восклицая, что я пытаюсь пронести продукты в палату. Я не могла угомониться, поэтому всё равно стащила кусок белого хлеба, который впоследствии покрылся плесенью, но это потом, а пока мне жутко хотелось есть! Отныне любая съедобная вкусняшка стала контрабандой, вынести которую из столовой было невозможно.

Желая отвлечься от голода, я отправилась в дамскую комнату. Переполненное помещение ждало очередников, среди которых преобладали курильщицы. Заняв место у окна, я уверенно достала сигарету, подчёркивая независимость. Тело выразило внутреннее спокойствие и достоинство, отточенные в каждом движении.

Разговорные потоки стали назойливыми. Соседкам хотелось разделить мою сигарету, обещая взамен щедрые подарки. Отказ вызвал бурю негодования, заставив покинуть помещение быстрее, чем планировалось. Вернувшись в палату, я нашла убежище в постели, чувствуя облегчение, несмотря на глухое урчание желудка.

Здесь, вдали от шума внешнего мира, каждая клеточка тела обретала покой, позволяя сознанию сосредоточиться на событиях дня. Несмотря на голод, я ощутила лёгкость, окружённая звуками соседей, чей голос казался каким-то знакомым и родным.

ГЛАВА 7: ПОД ПЯТОЙ ИЛЛЮЗИИ

Приятельница сознания грезила покоем, а я - проснувшись утром, сразу почувствовала сладкую сонливость, словно волна нежности окутывала мое тело, смывая тревогу вчерашнего дня. Физической боли почти не было, однако голова будто увенчана тяжелой короной сна. Ощущение дискомфорта сопровождало каждое движение, заставляя сосредоточенно контролировать каждый шаг и жест. Моя способность ориентироваться вокруг себя стала похожа на танец с закрытыми глазами среди хаоса предметов. Врач появился неожиданно, застал меня сидящей на кровати, погружённой в странное чувство тревоги и потерянности. Безмолвно наблюдала, как доктор пытается убедить меня оставить привычку вести записи в дневнике. Изоляция, отсутствие сигарет и постоянные проверки моих вещей стали частью лечебной программы. Как я ни старалась спрятать карандаши и ручки, вскоре нашла способ записывать мысли на тетради, сохранившиеся чудом без скобок и заклепок. Эта новая тетрадь стала моим единственным убежищем от безумия мира внутри.

Разговор с врачом проходил мягко, но настойчиво. Когда он спросил, осталась ли у меня прежняя паранойя, уверенно произнесла, что ощущения преследования исчезли, оставив лишь легкий след беспокойства. Однако физический дискомфорт от условий содержания вновь напомнил о себе. Матрас пах чужим потом и мочевой кислотой, по-

крывался плотными выступающими неровностями, мешавшими спокойно лежать. Показала врачу свою находку, надеялась вызвать сочувствие, но услышала равнодушное согласие с условиями больницы. Невольно подумала: «Кто же из нас болен?»

Завтрак был мучением: неаппетитная масса овсянки в старой металлической посуде едва прикрывала голод. Столовая ложка казалась тяжелей, чем ломоть сырого теста. Несмотря на тоску по нормальной еде, сумела стянуть кусочек хлеба и убрала его подальше, наперекор правилам. Позднее начались передачи с едой, которую забрали при поступлении. Я отчаянно хотела вернуть любимые орехи и козинаки, но тщетно пыталась противостоять строгим законам заведения. Решилась съесть фрукты, но закончив дело, отправила назад остаток запасов, громко жалуясь на правила больницы. Таблетки постепенно делали своё дело: мир становился размытым, мои мысли потеряли чёткость, желания - остроту, оставалось одно - ложиться снова и отдыхать на скомканном матрасе.

Телефон дали ненадолго - на целых два часа в сутки, без толкового покрытия сети - наслаждалась важной беседой. В этот раз был разговор с менеджером салона Игорем. Казалось, он находился бесконечно далеко, голос звучал приглушённо сквозь металлические стены. Телефон зарядился еле заметно, вися высоко над головой, и любые попытки связаться зависели от удачного положения устройства и моей реши-

мости преодолеть препятствия.

Обед прошёл тихо, никаких ярких эмоций. Тело казалось ватным, руки дрожали, ноги отказывались держать равновесие. Вторая порция оказалась спасительной: тушёная капуста с картофелем и кусочками мяса, совершенно неожиданная радость посреди серых будней. Санитарка с кухни улыбнулась, заметив мою благодарность. Мысленно решила больше не сопротивляться: такая еда, пусть и простая, лучше полного отказа от питания. Так уж устроена психиатрия - без компромисса.

ГЛАВА 8: КОЛЛЕКТИВНАЯ ИСТЕРИЯ

Время тянулось долго и болезненно. Медсёстры выглядели приветливо и казались моими ровесницами, хотя «тётей Мариной» меня не назовёшь. Иногда они проявляли понимание и человечность. Но сила их власти пугала. Они могли наказать быстрее молнии, лишить свободы выбора, замучить контролем процедур. Женщины здесь становились воплощениями богов-психиатров. Хотя, конечно, с небольшой поправкой: реальность искажалась, позволяя увидеть сатанинскую власть, царящую повсюду.

Каждое утро начиналось одинаково: таблетки принимались под неусыпным контролем медсестёр. Открыть рот, показать язык, выпить воду из кружки. Их влияние затуманивало сознание, замедляло восприятие окружающего мира, превращаясь в густой кисель ощущений. Мутнели чувства, размывались мысли, утихали стремления.

Маленькая, худенькая старушка — бодрая и простодушная, вечно куда-то спешащая и рассеянная настолько, что забывала, поела она или нет, — каждый раз бежала в столовую, как в первый раз. Она металась в крохотном туалете размером метр на два. Здесь, чтобы добраться до окна, которое открывалось и создавало дополнительную вентиляцию, проходящему мимо приходилось наклоняться, дабы избежать столкновения головами. Я сумела пробраться к этому окошку — уже это маленькая победа. Там я увидела пожилую женщину, живущую активной жизнью несмотря ни на что, заключённую в отдельную палату прямо напротив уборной — словно предусмотрительно построенную для удобства быстрого отклика на призывы соседок покурить.

Можно подумать, что в психиатрической больнице только и делают, что курят. По факту — так и есть. Жизнь пациентов измеряется интервалом от выкуренной сигареты до следующей. В свою защиту хотелось бы заметить: данное произведение носит ограничение 18+ и само название говорит о глубокой морально-психологической теме взрослого человека, попавшего в тиски во время психической атаки, когда помощи ждать было неоткуда. Есть хлёсткое выражение: «Свои могилы убираем сами». Здесь есть о чём задуматься и сделать выводы.

Безусловно, есть вредные привычки, от одной из которых я не готова отказаться в данный момент. К тому же мне предстоит разобраться со всем этим хаосом и дурью, которая тво-

рится вокруг меня. Точнее сказать — вокруг моей физической оболочки.

ГЛАВА 9: ПРИЮТ ДУШИ

Ночные улицы города погружены в тишину. Лишь редкий свет фонарей мерцает над влажным асфальтом. Время словно остановилось, затаившись в ожидании развязки...

— Где ты была?

Эти три коротких слова прозвучали резко, словно удар хлыста по обнаженной душе. Её голос, знакомый и близкий, вдруг стал чужим и холодным. Строгий взгляд дочери впился в мои глаза, полные слез и усталости. — Где ты была?

И вот оно, начало конца... Мой собственный ребенок обвинял меня в своих же ошибках. Последние два дня жизни превратились в кошмарный сон, бесконечный переход из одной больницы в другую, ощущение полной потерянности и бессилия.

Душа разрывалась от боли, сердце сжималось в ужасе перед собственными поступками. Как объяснить ей, почему я исчезла, почему оказалась одна посреди ночи, почему скрывала правду от родных?

Словно тени прошлого окутывали меня со всех сторон. Воспоминания всплывали одно за другим, заставляя вновь переживать моменты отчаяния. Когда дети перестали замечать мою боль, а муж игнорировал чувства, близкие замкнулись в своем мире, оставив меня одну наедине со страхами.

— Почему ты сама принимаешь такие серьезные реше-

ния? Она смотрела прямо в глаза, ожидая честного ответа. Но что сказать? Что моя жизнь давно стала чередой ошибок? Что банкротство кажется единственным выходом из ситуации, которую я создала сама?

— Мне нужен тайм-аут, пока не решится вопрос с жильем... Это было единственное, что я смогла произнести вслух. Но молчание, повисшее в воздухе, говорило громче любых слов. Они смотрели с осуждением и непониманием, будто я была чужой среди своих.

Снова и снова я мысленно возвращалась к прошлому, пытаясь понять, откуда началась эта череда неверных шагов. Всё началось с желания стать невидимой, раствориться в пространстве, уйти от постоянных требований окружающих. Меня никто не слышал, не видел, не чувствовал. Даже собственные мысли казались чужими.

Усталость душила, превращаясь в тяжелое бремя. Постоянные заботы о семье, работа, поддержание порядка, забота обо всех вокруг — всё это постепенно стало невыносимым грузом, превратившим жизнь в нескончаемую борьбу.

Но никто не понимал этого. Никто не видел истинной причины моего состояния. Вместо поддержки я слышала лишь обвинения. Казалось, что мой мир рухнул окончательно и выхода не существует.

Теперь единственной ценностью оставалась машина — старый железный конь, ставший символом свободы. Но даже он начал вызывать раздражение у тех, кого я считала близ-

кими. Его значимость внезапно уменьшилась до уровня детской игрушки.

Финансовая ситуация ухудшалась с каждым днем. Ежемесячные платежи приближались неумолимо, а денег не было совсем. Телефон, выданный на пару часов, разряжался. Счета в онлайн-банке пустые. Работы лишилась, алиментов не видела, просрочка платежей висела мертвым грузом.

Что ждет впереди? Вопрос мучил каждую секунду. Какой смысл продолжать жить, если всё равно путь ведет к краху?

Муж отказался помогать с оплатой разницы долей квартиры, заверенных нотариально. Это был последний шанс удержать хотя бы небольшую финансовую стабильность. Теперь же и он ушел в сторону, оставив меня одну против всего мира.

Застывший взгляд дочери проникал глубоко внутрь, вызывая чувство вины и стыда. Слезы катились сами собой, но никто не спешил протянуть руку помощи. Их осуждение звучало громче любого голоса, оставляя внутри горькое послевкусие предательства.

Так прошла ночь. За окном медленно разгорался новый день, обещавший новые испытания. Моя судьба зависела теперь от воли Божией, ибо собственная борьба закончилась поражением. Может быть, именно в таком состоянии находится предел человеческого терпения.

Однако, несмотря на всё произошедшее, надежда осталась маленькой искрой в глубине сердца. Возможно, именно

она сможет осветить путь вперед и привести к новым горизонтам. Ведь иногда самые темные времена предшествуют рассвету.

ГЛАВА 10: ДНЕВНИК ОДИНОКИХ СТРАНИЦ

Ночью, среди полнейшей тишины психиатрической клиники, сквозь сон и слёзы я незаметно пробралась к наволочке дохленькой подушки. Мне было важно сохранить спокойствие: каждый санитар сразу заметит эмоциональный всплеск и сочтёт его признаком надвигающегося кризиса. Вместо рыданий вслух я выплеснула всю боль письменно, аккуратно сформулировав послание для мужа. Текст должен был стать своеобразным отчётом обо всём, что творилось в моём сердце и голове, — словно распутывание клубка запутанных обстоятельств.

И вот я начала подробно рассказывать о нашей общей беде — банкротстве, долгах и судебной волоките. О квартире, единственном жилье, оформление которой зависло непонятно зачем, превратившись в повод для замораживания решения вопроса о списании обязательств перед банками. Всё осложнялось отсутствием денег и попытками адвокатов обмануть доверчивость юридически неграмотного человека вроде меня. Ежемесячно приходилось погашать долги по кредитам, постепенно сводя баланс к нулю — всё благодаря сомнительным рекомендациям псевдоюристов.

Однако ситуация вышла далеко за пределы финансов. Муж предложил решить проблему иначе — взять новый кре-

дит. Но тут закрутился хитрый узел противоречивых желаний и страхов. Для меня самостоятельность — это свобода передвижения, возможность купить машину и жить независимо, распоряжаясь собственными средствами. А значит, зависимость от кредита мужа становилась знаком потери контроля, власти другого человека надо мной. Это казалось ужасающим компромиссом: либо полная капитуляция собственной финансовой стабильности, либо сохранение самодостаточности ценой бесконечных мучительных усилий.

Пришла мысль о странной гордости, связанной с дочерью-клиницистом. Несмотря на её образование, помогать матери ей было абсолютно неинтересно. Оставалась лишь надежда на собственные знания и здравый смысл, которыми я и воспользовалась. Однако внутренний мир, похоже, оказался куда сложнее.

Ещё одна грань проблемы лежала глубже. Странно, но факт: вся моя жизнь стала посвящена литературе. Писательская деятельность, изначально считавшаяся даром небес, теперь казалась проклятием. Моя публичная известность оказалась плодом одиночества и отчаяния, обусловленных неудачными отношениями и абсолютным сексуальным воздержанием. Моими мыслями управлял мужчина — администратор сайта, которого называли «азербайджанским искусителем». Прекрасно владея русским языком, он увлекал и соблазнял моё сознание с самого первого знакомства, лишил покоя и стал источником внутреннего смятения. Лишь спу-

стя семь долгих лет, подводя черту наших отношений, я сумела собрать волю в кулак и уйти навсегда, забрав весь архив работ и чувств. Уже позже я поняла, насколько сильно эта вынужденная связь повлияла на моё творчество и здоровье души.

Теперь мои мысли начали хаотично кружиться вокруг одной идеи: записи на бумаге. Ведь электронные устройства легко читались и подвергались атакам извне. Уходя из виртуального мира, пытаясь защитить свою личность от посягательств ненавистного манипулятора, я безуспешно пыталась читать чужие произведения. Ощущала навязанность чужой воли, игнорируя собственную потребность развиваться дальше самостоятельно. И когда я снова вошла вместе с врачом на давно покинутый ресурс своего бывшего покровителя, удивлению не было предела: портал превратился в пустынный, запущенный уголок сети, похожий на разрушенный замок прошлого. Его страницы наполнялись пылью и грустью прошедших дней, отражая потерянную любовь и ощущение конца всего прекрасного, что могло случиться между нами.

Так закончилась очередная глава моего дневника, написанная посреди ночи в надежде обрести ясность мыслей и облегчить тяжёлое бремя эмоций.

ГЛАВА 11: ТАБЛЕТКИ, ТЕНИ И НЕСБЫВШИЕСЯ СЮЖЕТЫ

Завершилась процедура приема медикаментов. Гулкая суета заполнила узкий коридор психиатрического отделе-

ния: пациенты, собранные спонтанно и стремительно, громко препирались, выясняя порядок входа в процедурный кабинет, где сурово контролировали распределение таблеток по фамилиям. За соблюдением ритуала строго следил молодой санитар, проверявший каждую глотающую капсулу женщину — пристально разглядывая содержимое стакана и полости рта, тщательно изучая слизистую под языком и поверхность нёба. Если кто-то пытался схитрить, медикамент превращали в мелкую пыль или вводили инъекционно, незамедлительно отправляя пациента на смирительные вязки.

Ожидание затягивалось бесконечно. Ноги становились ватными, тело слабело, утрачивая привычную устойчивость позвоночника. Потеря сил заставила присесть на койку в своей палате, стараясь отвлечься от невыносимой скуки. Дочь предусмотрительно принесла книгу Джейн Остин «Гордость и предубеждение», видимо, желая деликатно намекнуть на целесообразность переосмысления последних моих поступков. Однако сосредоточенность рассеивалась туманом усталости, буквы путались, сюжет растворялся в тумане тревожных размышлений.

Тогда неожиданно пришло понимание: истинное наслаждение испытываешь лишь тогда, когда пишешь. Доктор совершенно верно утверждал, что великие литераторы отличаются страстью к чтению, но почему именно я превратилась в безостановочную «пишущую машинку», бесплодно воспроизводящую интересные сюжеты, неспособную завершить ни

одну историю? Будто Демон мешает подойти к финалу, обещающему славу и признание.

Вернувшись к очереди на вечернюю процедуру, я обратила внимание на пожилую женщину-анорексичку, пытающуюся незаконно проникнуть вперед толпы, повторяя тот же трюк, что и ранее в столовой. Среди собравшихся - преобладали дамы зрелого и преклонного возраста, истощенные болезнью почти до прозрачности. Рядом стояла особенная фигура — дама почтенных лет с короткими волосами, густо покрытыми сединой. На лице четко выделялись признаки грубого гирсутизма: аккуратные женские черты омрачала пышная растительность в области подбородка и верхней губы, переходящая в настоящую роскошную бороду. Женщина выглядела необычной и слегка устрашающей, вызывая смешанные чувства страха и сострадания. Её внешность производила неизгладимое впечатление, напоминая причудливую метаморфозу природы, не вписывающуюся в стандартные представления о женской привлекательности. Поскольку щипцы и колющие предметы были запрещены в отделении, можно было предположить, что эта женщина провела в стенах лечебницы очень долго.

Стоять в нескончаемом ряду, окруженной людьми, чьи движения замедлились до ритма полусонного существования, было утомительно. Пациенты двигались вдоль длинного коридора, будто послушные фигуры безмолвного кинофильма, создавая мрачный контраст между формальностью по-

ведения и внутренней болью каждого отдельного существа. Женщины проходили мимо друг друга механическими движениями, направляясь к дверям кабинета, словно заключенные концлагерей, ведомые невидимым распорядком тюремного режима.

ГЛАВА 12: ПАЛАТЫ, ПОТЕРЯННЫХ ДУШ

Наступил заветный миг раздачи угощений, и отделение ожило необычайно быстро. Народу в стенах больницы появилось больше, чем предполагалось, и десятки женщин нервно теснились возле сестры-хозяйки, хватая гостинцы обеими руками, словно маленькие дети, получающие конфеты. Меня поставили последней в очереди, и сидячего места не нашлось. Рядом притихшая, робкая душа тихо наблюдала за моим двойным запасом лакомства, голодным взглядом умоляя поделиться.

Осознавая правила этого места, где доброту воспринимают как слабость, я без колебаний отломила кусочек козинака, бережно хранимого специально для госпитализации. Дрожащей рукой женщина потянулась ко мне, чуть не склоняясь в коленях, шепча слова благодарности. Вторая соседка — маленькая, хрупкая девушка с трогательной улыбкой и очаровательным, но неуместно расположенным косоглазием — прижалась щекой к моему плечу, спрятавшись в уютную копну локонов, и беззвучно лепетала нежные слова. Я предложила ей сочное яблоко. Девушка взрывом эмоций выразила благодарность, казалось бы, за пустяк.

Закончились листы бумаги, и внезапно закончилась история. Три ручки были исписаны до пустоты, но вспоминались теплые СМС-послания: палата № 6, известная каждому пациенту учреждения, оказалась совсем не страшной внешне. Четыре постели стояли рядком, и на них спокойно отдыхали милые дамы средней возрастной группы. В отделении вообще не было Наполеона и прочих буйных, зато молоденькие девочки с отроками, похищенными злодеями, имелись в избытке.

Настоящим испытанием была палата № 8, расположенная прямо напротив поста медицинской сестры. Светлая и просторная, оборудованная тринадцатью кроватями, расставленными кольцом, плюс две дополнительные в центре помещения. Решетка, отделяющая пост от комнаты, имела форму арочной конструкции, создавая иллюзию старинного санатория или детского сада времен советской эпохи, но обитающие здесь сухощавые старушки напоминали скорее живых мертвецов, вытянувшихся в тени вечного сна.

Посещение туалета располагалось в дальней стороне коридора, и скрыться там или пройти никем не замеченной было невозможно. Стоило кому-нибудь распахнуть дверь курилки, как немедленно собиралась целая армия любопытствующих женщин разных возрастов, жаждущих запаха дыма и вырывающих сигарету из твоих рук. Их взгляды пронизывали душу насквозь, оставляя неприятный осадок вины и стыда. Курить приходилось буквально в борьбе за послед-

нюю затяжку, глядя вдаль, в высокое окно с металлическими прутьями, ловя редкие солнечные лучи ясного осеннего неба.

Вечером, после ужина, состоявшего из жидкого горохового пюре и рыбы минтая, а также ломтика омлета, небрежно кинутого поверх тарелки и дополненного едва приметной чашечкой чая, в душе оставалась горькая пустота...

ГЛАВА 13: ОТДЕЛЕНИЕ СТРАННЫХ СОВПАДЕНИЙ

За окном снова завывал осенний ветер, словно беспомощно пытаясь вырваться наружу из замкнутого пространства коридора. Врач проходил мимо дверей, аккуратно переступая на цыпочках, будто крался мимо клеток зверинца. Обхода почему-то не последовало. Однако я догадывалась, отчего: скорее всего, мои телефонные беседы вскружили ему голову своей убедительностью и рациональностью.

Разговор, состоявшийся недавно неподалеку от кабинета психиатра, в шёпоте перезванивающихся мобильных телефонов соседок, стал ключевым моментом моих перемен. Словно тихое пробуждение весной, жизнь вновь наполнила смыслом моё существование. Как говорится, «Исцеление начинается с признания места пребывания». Так произошло и со мной: осознав себя среди обитателей дома психоневрологического профиля, я почувствовала покой и принятие среды.

Впрочем, самое сильное впечатление произвели именно

обитатели заведения. За долгие месяцы пребывания здесь каждый научился источать какое-то незримое раздражение и отчаяние — звук неслышный, едва уловимый для уха нормального мира. Но даже эта тревога не казалась столь мучительной, как сознание неотвратимости смерти. Подчиняясь воле небес, я решила ослабить напряжение и отдать судьбу заботам Бога. Лишь вера способна смягчить сердце, истерзанное болью одиночества и непонимания.

К обеду физическое состояние улучшилось, душевное спокойствие вернулось. Мир прежних врагов сделался миролюбивым, болезненная реакция сменилась терпимостью и смирением. Если девушки выражали симпатию объятиями или улыбками, я спокойно реагировала, позволяя себе действовать естественно и дружелюбно. Умиротворение наполняло меня уверенностью и решимостью жить дальше.

Меня больше не смущал вид еды, подаваемой на тарелках: пресный суп, известный всем пациентам как «баланда», и гречневая каша, сваренная на воде и приправленная редкими кусочками моркови. Несмотря на простоту рациона, я воспринимала пищу философски: питание было необходимо мозгу, чтобы продолжать борьбу с обстоятельствами и выйти из безумия стен. Светлая просторная столовая была украшена четырьмя огромными окнами, выходящими во внутренний дворик, шестью длинными деревянными столами, двумя маленькими столиками для передачи посылок и огромным холодильником. Всё казалось знакомым и привычным,

став ритуалом рутины, принятой нами как должное.

Особенное внимание привлекал обычай курения. Во избежание конфликтов с «табачниками», внимательно следящими за каждым моим жестом, приходилось придерживаться хитрости: курить по половинке сигареты, складывая остаток в импровизированный портсигар — обычную сигаретную пачку, сохраненную специально для таких случаев. Именно тогда, собравшись втроём с подругой и моей знакомой Владой, мы оказались объектом атаки очередной женщины-курильщицы, жаждущей угоститься нашим дымом. Мой неожиданный отказ поразил её: «Я курю одну сигарету на двоих — я и моё величество!» — прозвучавший твёрдо и уверенно, заставил женщину отступить.

Однако ещё важнее оказалось само решение отказаться от лишнего дыма: уменьшая потребление табака вдвое, я незаметно обманывала врачей, добиваясь психологической устойчивости перед лицом предстоящих встреч. Моё понимание состояния нервной системы позволяло планировать дальнейшие шаги, создавая план ухода из госпиталя с помощью продуманной стратегии и чёткой подготовки к следующему визиту доктора. Каждое мгновение приближало освобождение, которое становилось ближе благодаря осознанности действий и внутреннему покою.

ГЛАВА 14: ВОПРОС ВРЕМЕНИ

Приход детей на свидание, как и в любой больнице, будоражил эмоции шаткой нервной системы. Обняв их, я первым

делом вскрикнула от потрясения: сынок стал точной копией моего покойного брата! Мама и сноха твердили об этом давно, еще когда он был малышом, но я лишь смеялась, отмахиваясь — русый, светлокожий, не похож. А сегодня сердце защемило от этой пугающей схожести. Такой же высокий, густая шевелюра... Мой сладенький, мой хороший мальчик. Лишь бы он был жив и здоров.

Врожденная аномалия скрытого характера приближала срок его обследования и постановку на воинский учет, в то время как его мамочка прохлаждалась в «дурке». Дела мои складывались нелепо.

«Кнут и пряник» — так я мысленно назвала следующую главу своей жизни. Повествование о том, как благородство мужа исправляло катастрофу, в которую я сама себя загнала. И со всей, как говорится, дури.

После разговора с детьми на душе стало легче. Приятно осознавать, что семья любит меня и заботится, хотя вполне могли бы махнуть рукой и на меня, и на мою собаку. До сих пор, если честно, не верится, что весь этот кошмар происходит именно со мной.

Дочь выступила как дипломат. Серьезная, лаконичная речь, словно она — прожженный психиатр. Но мне стало обидно. Она же клинический психолог по образованию! Куда смотрела моя девочка, когда рушилась наша семья, когда отец пил беспробудно, а я была на грани нервного срыва?! Сейчас нужно было понять, простить и отпустить эту обиду,

но из-за больницы мой стратегический план, мягко говоря, пошел под откос.

До этого момента мой финансовый карточный домик держался на выплате бывшего супруга — кадастровой разницы долей квартир. Это удовлетворило бы мое самолюбие, позволило закрыть кредитные карты и погасить машину. Но со слов дочери, отец ничего платить не собирался и договор у нотариуса не подписал. Это повергло мой здравый ум в неистовое замешательство.

Связавшись с банкротством и спустив всё на тормозах по совету лжеюристов, я обнулила свои кредитки. А чтобы не потерять вторую квартиру (ее долевую собственность) за долги перед банками... С Божьей помощью и грамотным юристом этот вопрос решился положительно. Дело осталось за документами — вопрос времени, которого не было.

ГЛАВА 15: ДОЛГОВОЙ ПЛЕН ДУШИ

Вопрос ежемесячных платежей оставался открытым. Алименты, которые оформили меньше года назад и пустили в ход, не давали плодов. Я, погрязшая в долгах, как в шелках, лежала на больничной койке — образно «связанная по рукам и ногам». Или, напротив, смогла достучаться до загрубевших душ домочадцев.

Ко всему прочему добавилось множество мелких и крупных потребительских кредитов. Взять хотя бы месяц передышки не представлялось возможным из-за огромной кредитной нагрузки. Беспокоить единственного любящего ме-

ня человека — маму — я не могла. Она сама находилась в «жгучем режиме» и, как любая (а у меня — самая лучшая) мать, переживала за свою непутевую дочь. К тому же на ней лежала забота о престарелой бабушке.

Дорога обратно в блинную для меня закрыта, как и любая работа, требующая физических сил. Разве что — лепщицей пельменей. Придется рассмотреть этот вариант. Да и месяц, если не больше, уйдет на реабилитацию. Я пока не знаю, когда выйду отсюда.

Таким образом, мы подходим к сути. Дочь взвешенно выставила условие отца: огласить все мои долги перед банками. Она явно собиралась оценить долговую нагрузку, чтобы сориентироваться самой, какую сумму ей придется списать. Я же, в свою очередь, вынуждена притвориться непонимающей и дам данные только за текущий месяц. Боюсь шокировать «благодатную публику».

В больший кредит пока не зайти — старый не выплачен. Его брали на погашение моего предыдущего займа. А поскольку денежный поток средств проходил в основном через меня и уходил в неизвестном направлении, негласно это склонит чашу весов в его пользу. Жертвоприношение состоялось. Репутация отца в глазах детей, купленных им с самого детства, обелена.

Он не давал денег с момента оформления алиментов. Я решилась на них от безденежья: моей зарплаты всегда не хватало. Это началось, когда сынок был совсем маленький.

Тогда приезжала свекровь и, сочтя меня плохой хозяйкой по сравнению с любимой старшей снохой, обрывки их фраз я услышала в неурочный час. Материнским опытом взрослой женщины было решено: забрать у меня зарплатную карточку, лишив возможности распоряжаться бюджетом.

В тот момент, когда я почти закончила ремонт в новой квартире, мои заслуги офицерской жены, сидящей в декрете, обнулились. А позже ситуация усугубилась. Взвалив на себя абсолютно всю домашнюю работу и не видя отдачи, я превратилась в того, кем оказалась сейчас — в душевнобольного человека.

ГЛАВА 16: ПОТЕРЯ НЕЗАВИСИМОСТИ

Помнится тот миг, когда некто впервые спросил меня:

- Кому нужна твоя писанина и кто её будет читать? Сегодня я смело отвечаю:

- Да вот он и прочитает, хочет того или нет!

Именно эта фраза, рождённая воспоминанием о муже и загадочном незнакомце, чьи взгляды начали преследовать меня едва ли не с самой первой публикации моего скромного творчества на просторах сети. Я назвала себя тогда Мура, став впоследствии известной как Мария Мозгокрутова, лишь для того, чтобы защитить доброе имя супруга и сохранить собственное достоинство перед детьми, которым чуждо моё вдохновение и страсть к письму.

Мне подумалось однажды: выйти замуж — значит обрести защиту мужчины, ведь так издавна повелось среди наше-

го народа... Но вышло иначе. Все эти годы я шла вперёд, далеко обогнав своего спутника, мечтая стать той слабой, хрупкой женщиной, укрытой надёжностью любимого. Взяв кредит для семьи, пока муж был занят собственными делами и ограничивал меня в средствах, теперь я вынуждена ожидать жёсткого суда с его стороны и со стороны дочери.

Отныне я стану зависима от него абсолютно, потеряю свободу и собственные права. Ибо характер главы дома — это железный закон, не подлежащий никаким условиям и договорённостям! Какие перспективы рисуются моим мыслям? Скажу честно — мрачные. Однако выбора нет. Остается лишь одно — смиренно опуститься к ногам некогда обожаемого мужа, попросить прощения и поддержки, оставив заботы позади и проглотив слёзы.

И последний штрих — сменить фамилию обратно на его имя, которое я ещё не успела закрепить на обложках книг в издательстве. Этот пункт не тревожит меня столь глубоко: я не меркантильный человек и отказ от всех притязаний, будь то имущество, машина («мой любимый Lifan») и прочие материальные блага, считаю справедливым решением. Но моя покорность и хлёсткая действительность не могут смириться с вышеизложенным.

Главное — дети, наши пушистые коты, преданная собака и автомобиль, ставший символом свободы и движения вперёд. Пусть всё останется как есть, лишь бы душа наконец успокоилась, а сердце зажило — спокойно и счастливо.

ГЛАВА 17: ЖИЗНЬ СРЕДИ АБСУРДОВ

Что характерно — муж точно понимал: эта странная смесь под названием «каша-малаша», которая получилась у меня благодаря моему кулинарному искусству, хоть и недолго, но прочно связывала нас вместе, делая настоящими партнерами по несчастью. Мы проходили сквозь мучительные тиски страха одиночества, видя, как отчаянно он стремился ощутить тепло моей руки, приблизиться ко мне. Сколько времени должно было пройти, прежде чем прозвучали долгожданные слова сочувствия и понимания, которых я не слышала за долгие годы нашей совместной жизни… Боже мой, пути твои поистине неисповедимы!

Сегодня ужин прошел строго по расписанию. Освоив местные порядки, я научилась находить общий язык даже с самыми необычными людьми, которыми кишит подобное заведение. В памяти всплывают события недавнего вечера: нам предложили обычную перловую кашу, аппетитные рыбные котлеты и стаканчик сладкого компота. Для полного ощущения сытости я взяла пару кусочков черного хлеба — дома я привыкла есть его только с первым блюдом. Свободных мест не оказалось, поэтому я устроилась у окошка раздачи, решив съесть свою порцию стоя. Затем, когда место появилось, присела рядом с группой пожилых женщин. Одна из них постоянно приглашала всех пойти покурить. Эта особа обладала удивительным здравым смыслом, ловко ухватывая любую минуту для небольшой затяжки. Кстати, мы ока-

зались последними посетителями ужина, и самая смелая из наших дам попросила добавки.

Покончив с приемом пищи, настало время исполнить старый студенческий закон Архимеда и «поправить нервы» сигаретой. Чудеса стали происходить сразу: очутившись первой в очереди, я обнаружила себя в центре толпы курящих женщин, словно птиц, слетающихся на кормежку. Дверь слегка скрипнула, и тут началось представление: жалобы, недовольство, громогласные претензии на право стоять впереди всех… Огромный принудительный вентилятор монотонно гудел над головой. К счастью, мне удалось переждать бурю возмущенных эмоций и дождаться своей минуты никотинового покоя.

Такова она, повседневная жизнь в психиатрическом отделении. День приносит сюрпризы: порой приятные, часто нелепые. Но я твердо верю: придет время, когда мое терпение будет вознаграждено спокойствием и ясностью ума. Нужно лишь проявить выдержку и двигаться вперед, несмотря ни на какие препятствия.

Только вот наши взгляды с врачом расходились: он считал, что выписывать меня еще рано, а я была уверена, что задержалась в этом учреждении сверх всякой меры.

ГЛАВА 18: ПОСИДЕЛКИ ПЕРЕД СНОМ

В пустующей курилке я затягивалась последней тонкой сигаретой с кнопкой, выпуская белоснежную, на удивление вкусную струйку дыма в раскрытое окно с решеткой. Осен-

ние кроны рыжих деревьев застыли в неподвижности, а небо в этот раз было абсолютно безоблачным. Не успела я насладиться остатками былой роскоши, как налетели крикливые «чайки» — одна из них, та самая, описана выше.

Начавшаяся баталия между курящими и жаждущими обернулась в мою сторону. — Докуриваю окурок, — ответила я. — А желание курить велико. Тут в разговор вступила вторая женщина, начав ехидно хохмить: — Надо было оставить тебе половину своей добавочной котлеты, которую ты так расхваливала. Я ответила в шутку отказом: желание курить превыше рыбной котлеты. — Надо было поделиться компотом, — не унималась юмористка, но снова промахнулась.

После того как мое обучение способности стойкого отказа завершилось успешно (с характерным воронкообразным смывом унитазного бачка), подошло время вечерних передач. Всё напоминало программу «Спокойной ночи, дурачки!». Вместе с молодой девушкой из нашей палаты, под её радостное «Ура!», мы ринулись поедать свои запасы, находящиеся на хранении.

Мест, как всегда, было мало. Я, не долго думая, расположилась на подоконнике. Бросив взгляд в оконное отражение и убедившись, что за мной нет пристальных взглядов, я, шурша пакетом, сунула горсть жевательных конфет в пространство между животом и поясом. Вежливо уступив место ласковой девчушке для вечерней трапезы, я небрежным

движением руки расправила комок жевательных конфет по плавкам — чтобы холмик на лобке не бросался в глаза на выходе, когда будут досматривать, как потенциального террориста в зале международного аэропорта.

Глядя на узкие, с плохой фокусировкой, глаза девчушки, завязался диалог. Она по обычаю стала осыпать меня комплиментами, что я добрая, и начала ластиться к плечу. Я ласково похлопала её по спине. Она успокоилась. Затем к нам подошла нахрапом ещё одна — дородная женщина, пришедшая в наш дурацкий коллектив недавно. Мы продолжали трапезу уже втроём. Я щедро угощала своих новых «подружек» яблоками, конфетами, казинаками и прочими вкусностями, а они предлагали свои взамен.

Момент, от души повеселивший нашу компанию, — мой вопрос о возрасте девочки. — Тридцать два, — ответила она. Честно говоря, я думала, что ей едва ли есть восемнадцать.

— А я уже старушка, — ответила я ей, и мы, переглянувшись, улыбнулись.

Похрустывая вкусняшками в тесном кругу, ласковая девочка что-то промямлила, глядя на меня. Казалось, нечто сокровенное:

- Наная нация?..

- Русская! — моментально парировала я.

Она вторично повторила нечленораздельный вопрос, а я, не мешкая, автоматически ответила: — Моя бабушка была польских кровей, немного цыганских... На что девочка, жуя с

удовольствием конфету, спросила с максимальным усилием: — Какая у тебя палата? Мы хором прыснули смехом, безудержно пытаясь его сдерживать и не привлекать внимания. Хотя с дальних столов косые взгляды были брошены в нашу сторону, не скрывая зависти к нашему живому общению.

- Вот мы и поговорили! — сказала я девочке, и мы продолжали загадочно жевать свои вкусняшки. Потом, глядя в отражение ночного неба, ласковая спросила, насколько позволяла речь:

— Откуда ты? Я задумчиво промолвила, указывая пальцем в оконное отражение: — Оттуда. Она спросила с сожалением:

— Из третьего отделения?

— Нет, — ответила я. — С улицы. И снова брызнул смех. Мы стали расходиться по своим палатам.

ГЛАВА 19: СПЕКТАКЛЬ ФАРСА И ФАНФАРОНАДЫ

У меня складывалось стойкое убеждение, что я нахожусь не в том месте и не в урочный час. Как будто была главной героиней душещипательного спектакля, где каждый день проходил словно сцена абсурдного представления, и я постепенно начинала играть свою роль со всей уверенностью цирковой артистки — снова и снова.

Стоя на ежедневном осмотре передачи продуктов, уже знала правила игры: уверенная походка, смелый поворот бедер и демонстрация пустых карманов. Медсестра подозри-

тельно смотрела вслед и тихо процедила: «Хватило предыдущего раза?» На что я лишь молча кивнула головой, будто соглашаюсь с кем-то невидимым. Конфеты же были надежно спрятаны в прикроватной тумбочке, замаскированные под обыденные предметы личной гигиены.

А вечером, когда пришло время приема таблеток, постовая сестра спросила: «Первый раз здесь?» Я мгновенно откликнулась: *«Так точно! Надеюсь — последний!»* Когда услышала название препарата, слегка усмехнулась, заметив, что не смогу его запомнить даже после выхода из процедурной, и тут же потребовала вторую таблетку, надеясь ускорить процесс выздоровления. Юмор становился верным спутником, признаком улучшения моего состояния.

Но утро следующего дня оказалось далеко не таким радостным. Открыв глаза, почувствовала знакомое покалывание в костях таза, вызванное ужасающими условиями проживания, похожими на ложе пыток. Матрас был испещрён неровностями, словно нарочно сделан для тех, кому нравилось проводить ночи в муках бессонницы. Лежала, пытаясь отыскать удобное положение, которое позволило бы заснуть хотя бы ненадолго, но тщетно. День был выходным, прием врача ожидался только через сутки, и перспектива еще одной бессонной ночи привела меня в состояние раздражения и нервозности. Понимая всю беспомощность своего положения, обратилась к дежурной сестре с просьбой измерить давление, фиксируя свое страдание документально.

Однако нелогичность происходящего удивляла сильнее всего. Например, почему женщинам запрещали приносить из дома фонарики для чтения книг, зато позволяли свободно пользоваться зажигалками? Ведь это выглядело настолько странно и необъяснимо, что могло стать предметом отдельного исследования в области психиатрии. Из-за невозможности читать ночью приходилось метаться по постели, подобно машине, попавшей в неисправность. Тело изгибалось, словно автомобильный карданный вал, ищущий свободу движения в узких рамках системы.

И вот, осознавая всю бессмысленность происходящего, я поняла главное: лечение заключалось вовсе не в лекарствах и процедурах, а в способности смеяться над собой и окружением, несмотря ни на что. Этот урок оказался самым важным, ведь смех способен исцелять душу гораздо быстрее любых медицинских препаратов.

ГЛАВА 20: МАТРАСНЫЙ КВЕСТ

Утро началось тихо и буднично, как большинство моих последних дней. Признаться в психиатрической больнице не было какого то определенного режима дня, кроме как получение пищи и таблеток, хотя и заниматься было нечем, кроме — сна. Я сидела за столом в общей столовой, осторожно разглядывая соседнюю женщину. Её улыбка была наполнена теплом и пониманием, которое редко встретишь среди чужих лиц. Мы обменялись вежливыми кивками и коротким взглядом, стараясь уловить настроение друг друга. За окном

привычно шелестели листья деревьев, наполняя воздух спокойствием, но тишину нарушали лишь приглушённые голоса персонала и негромкий стук столовых приборов.

Однако спокойствие длилось недолго. Когда пришла очередь получать наши ежедневные порции лекарств, мое внимание переключилось на реальную проблему, терзающую тело каждую ночь.

— Ребята, прошу помощи! Этот ужасный матрас заставляет меня просыпаться от острой боли в спине каждый раз, — произнесла я громко, надеясь привлечь внимание окружающих.

Возглас повис в воздухе, как тяжёлый камень, заставляя всех замереть. Санитар молча наблюдал за мной какое-то время, потом ответил мягко, почти равнодушно:

— К сожалению, придется подождать заведующую. Такие вопросы решает только она…

Эти слова больно отозвались в душе, возвращая меня в состояние постоянного дискомфорта и бессонницы. Однако рядом неожиданно прозвучал женский голос, полный сочувствия и понимания:

— Давай попробуем сменить твой матрас с пустой койки. Возможно, новая подстилка облегчит твои страдания?

Это предложение звучало как спасение утопающего. Следуя за медсестрой, я отправилась в путешествие по коридорам учреждения, пытаясь забыть о болезненных ощущениях в спине и груди. Палата ожидала меня своей чистотой и

свежестью и вселяло энтузиазм, обещая хотя бы временное избавление от мучительных ночей.

Но смена матраса не принесла облегчения сразу, поскольку не все золото блестит и новый добавочный матрас - лишь уменьшил комки, индивидуально расположенные прежней сотней пациенток, лежащих до меня. Каждая кровать казалась похожей на предыдущую, со своим уникальным отпечатком человеческого присутствия и неизбежностью телесных следов прошлого обитателя. Выбор матраса стал своего рода ритуалом очищения и надежды, символом борьбы за личное пространство и уют.

Наконец, уложившись на сконструированную модель кровати, я попыталась расслабиться, наслаждаясь долгожданным покоем. Тишина постепенно заполнила комнату, успокаивая мысли и душу. Казалось, всё плохое осталось позади, но реальность вновь напомнила о себе назойливым звуком извне.

Меня вызвали на пост, предложив забрать личные вещи. Среди прочего там лежал старый мобильный телефон, заменивший мне источник света и связи с внешним миром. Внутри я чувствовала себя изолированной и потерянной, зависимой от этого устройства больше, чем когда-либо раньше.

И вот, включив зарядное устройство, я услышала знакомый звук сигнала вызова. Номер на экране показывал неизвестный код, но чувство одиночества толкнуло меня на принятие вызова.

— Алло… Что опять случилось?! — спросила я усталым голосом, нервно сжимая телефон в руке.

Собеседник говорил невнятно, сбиваясь и повторяясь, будто хотел сказать нечто важное, но не мог подобрать нужные слова. Я раздражённо отключила звонок, осознавая всю бессмысленность разговора.

Следующие минуты были посвящены созданию списка контактов и сообщений близким людям. Адвокат получил особое послание с подробностями моего пребывания в больнице и просьбой связаться с дочерью. Каждый символ, каждое слово имели значение, передавая чувства тревоги и беспокойства, накопившиеся за долгие дни заключения.

Закрыв глаза, я смотрела в окно, представляя своё освобождение отсюда, мечтая о свободе и возможности вернуться домой. Больничный опыт научил меня ценить даже маленькие радости, вроде чистой постели и свободной комнаты, и я знала, что впереди ждёт много испытаний, но веря, что однажды смогу вырваться из этих стен и обрести покой.

ГЛАВА 21: ФОНАРИК НАДЕЖДЫ

Я терпеливо дождалась своей очереди, стараясь сохранить спокойствие среди суеты больничного коридора. Наконец подошла моя очередь задать мучивший меня вопрос старшей медсестре. Перед глазами всплыли сцены предыдущих ночей, проведённых в попытках написать что-то стоящее в тусклом свете ночника. Моих соседей по палате это никак не волновало: они укладывались рано, предпочитая

сон творчеству. А я лежала, перебирая страницы дневника, чувствуя, как быстро ухудшается зрение, делая чтение практически невозможным. Мне необходим был крошечный фонарик, и эта необходимость была важнее всего остального.

— Простите, пожалуйста, — произнесла я тихо, боясь потревожить гул голосов, — не могли бы вы разрешить принести мне из дома маленький фонарик для чтения?

Моя просьба прозвучала вполне разумно и уважительно. Всё же врачи обязаны заботиться о пациентах, верно? Только никто не мог предположить, какой эффект произведёт мой обычный вопрос.

— Что?! Фонарик? Опять ты со своими капризами!

Старшая медсестра взорвалась подобно вулкану. Гневно сверкая глазами, она подалась вперёд, словно пытаясь остановить неизбежное вторжение хаоса. Пока пациентка напротив громко храпела, забыв обо всём вокруг, сестра продолжала брызгать слюной, обвиняя каждого в отделении, включая и меня лично, в бесконечных проблемах, мешающих работать.

Ирония судьбы заключалась в том, что совсем неподалёку стоял санитар, невозмутимо дымивший электронной сигаретой. Видеть такое несоответствие раздражало ещё больше.

Но я не стала отвечать на агрессию взаимностью. Моя рука крепко сжала ручку двери, пока внутри всё кипело от негодования. Да, я хотела вскочить и выпустить пар, пусть бы он хлестнул всеми эмоциями наружу, но поняла: любое

слово приведёт лишь к большему конфликту. Так я молча покинула кабинет, отказавшись продолжать бессмысленный разговор.

Закрыв дверь за собой, я ощутила облегчение. Руки дрожали, сердце бешено колотилось, мысли путались. Возможно, стоило записать этот случай в книгу жалоб? Нет, лучше обсудить проблему с врачом позже, подумалось мне. Во всяком случае, одним лишним конфликтом меньше — сохранится покой души, и я избегу ненужных проблем.

Размышления прервал новый приступ бессонницы, вызванный привычным хором звуков. Рядом беспокойно ворочалась пожилая женщина, тяжело дыша и жалуясь на ветер, проникающий сквозь открытое окно. Окружённая шёпотом и недовольством, я вновь задремала, вспоминая детский страх перед темнотой и надеясь проснуться отдохнувшей и полной сил. Пусть ночь принесёт долгожданный покой, думала я, закрывая глаза и мечтая очутиться на простом и уютном пляже бюджетного курорта, где море плещется далеко от забот повседневной жизни.

Сама не знаю, чему удивилась больше, — может быть, комичности построения по росту, — как вдруг заметила «божий одуванчик», неведомо откуда взявшуюся возрастную женщину, неприкаянно жаждущую получить свою порцию таблеток.

Тут снова вмешался мой бравый юмор: — Алло, ребята! — этот представитель точно не из нашей команды. Выгляде-

ла эта женщина, надо признаться, так себе: её мотало, и от неё дико воняло мочой. При любом воспитании было сложно соприкасаться с такой степенью запущенности. В итоге убеждения окружающих не действовали на решительную особу, поэтому было принято решение угостить безапелляционно настроенного «бойца» вне очереди.

Приняв к сведению, что я нахожусь в этом учреждении уже долгое время, да ещё и в другом номере отделения (как стало известно, в больнице есть порядка десяти стационаров, включая отделение дневного стационара), я вскоре познакомилась с девушкой из нашей палаты — довольно приятной и набожной особой Екатериной, возраста Христа, день и ночь читающей молитвослов. Худощавая, с ярко выраженным кифозом грудного отдела и большим образованием, похожим на огромную родинку, расположенную на позвоночнике в нижней части спины. Хорошо, что нашёлся человек, с которым можно было поговорить, чтобы не сойти с ума. При других обстоятельствах тишина и молчание были бы мне в радость и давали возможность спокойно работать, а в таком бедламе это было издевательством. Как и дома: стоило только присесть или раскрыть тетрадь, текст из которой пришлось перепечатывать на электронный носитель, как что-нибудь происходило, и мне приходилось отвлекаться. И так — снова и снова...

ГЛАВА 22: НОЧЬ В РИТМЕ БУДНЕЙ

Дело шло ко сну, и я мечтательно глядела в сероватую пу-

стоту окна, ожидая сладкого забытья. Здесь, в шестиместной палате, каждую ночь происходило одно и то же. Моя соседка, чья кровать стояла прямо напротив моей, казалось, спала всегда одинаково глубоко и безмятежно. Это была невысокого роста пухленькая женщина по имени Екатерина Алексеевна. Когда её не будили на таблетки или очередную кормёжку в столовой, она погружалась в царство Морфея мгновенно, независимо от времени суток. Любопытно было наблюдать, как, выполнив требуемые процедуры — чавканье, смешанное с глухим урчанием, — она тут же поворачивалась лицом к стене и немедленно засыпала, демонстрируя поистине удивительный талант к быстрому отходу ко сну.

Екатерина Алексеевна производила впечатление добродушной дамы, однако её постоянная расслабленность сменялась жестокой натянутостью всякий раз, когда речь заходила о здоровье. Варикоз нижних конечностей третьей стадии был её постоянным спутником: опухшие ноги с багрово-синими узлами венозных сосудов говорили сами за себя. Несмотря на страшные последствия болезни, Екатерина двигалась достаточно уверенно, сохраняя какую-то детскую непосредственность в движениях.

Часто болтая с ней, я обнаружила интересную особенность: Екатерина Алексеевна была удивительно открытой женщиной, совершенно не стеснявшейся говорить о любых аспектах своей жизни. Улыбаясь одними губами и периодически переходя на тяжёлое хриплое дыхание, она рассказала

мне немало забавных историй о своём прошлом. Например, однажды поведала, как жила в маленькой деревне, выращивая картошку и занимаясь пчеловодством, и о любви всей своей жизни — мужчине, которого давно похоронила, называя его нежно и ласково «мой Кузьмич».

Однако вскоре выяснилось, что нашу компанию в палате дополняют весьма эксцентричные персонажи. Четвёртой обитательницей оказалась молодая женщина по имени Маша — удивительно схожая с Шахерезадой, накрытая белым льняным платком, закрывающим плечи. У неё были неподвижные руки, словно застывшие на месте вследствие травмы позвоночника, полученной много лет назад. Маша выглядела старше своих лет: её кожа была бледной, словно белая мука, а движения отличались резкостью и отрывистостью. Однажды ночью, когда остальные уснули, я услышала, как она старательно шепчет молитвы, обращённые к Богу, упрашивая облегчить страдания всех пациентов нашего корпуса.

Однажды утром, отправившись на приём к врачу вместе с четырьмя другими пациентками, я столкнулась с очередным сюрпризом. По пути к кабинету нас неожиданно догнала незнакомая женщина. Низенькая, худенькая, чуть сутулая, она имела короткую чёрную шевелюру, торчащую в разные стороны, словно волосы хотели убежать прочь от головы хозяйки. Назвавшаяся Оксаной, она заявила, что обладает исключительной способностью запоминать имена и имеет огромный опыт пребывания в лечебных учреждениях по-

добного типа. Оказывается, Оксана ранее пролежала полгода дома, испытывая серьёзные психологические расстройства, и теперь страстно желала поскорее вернуться домой, ставя диагнозы врачам самостоятельно.

Во время беседы с доктором Оксана неожиданно начала распространяться о личной жизни, заявляя, что является девственницей, и подчёркивая отсутствие сексуального опыта как нечто важное и достойное внимания. Мой мозг отреагировал на это признание смущением и недоумением. Я взглянула на молодую Екатерину, прижимавшую сутулую спину к тёплой батарее, и задумалась: а когда же я в последний раз наслаждалась удовольствием близости?

Взгляд скользил мимо зеркал, и отражение там говорило само за себя. Красивая статная фигура, слегка тронутая лёгкой сединой на висках, придававшей облику некий шарм и индивидуальность. Наблюдая за собой каждый день, я решила оставить натуральный цвет волос, предпочитая его асимметричной стрижке, подчёркивающей красоту моего лица. Мысли незаметно перешли к желанию заняться своим внешним видом — от маникюра до упражнений, которыми я некогда увлекалась, позволяя себе поддерживать отличную физическую форму.

Таким образом, находясь в замкнутом пространстве больницы, я нашла повод задуматься о вещах, которым раньше уделяла недостаточно внимания. Возможно, дело было вовсе не в недостатке качественного сна или нежелании занимать-

ся собственным здоровьем, а в потребности перемен, необходимых каждому человеку хотя бы иногда, даже в условиях строгого режима лечебного заведения.

ГЛАВА 23: РЕМОНТ СУДЬБЫ И СЕМЕЙНЫЕ ПЕРИПЕТИИ

Я охотно взвалила ремонт квартиры на себя и не заметила, как появились первые звоночки невралгии. Муж пропадал на работе, поэтому пришлось нанимать бригаду, чтобы сдать под ключ наше новое, долгожданное жильё.

С предыдущей, первой квартирой, где на тот момент жила семья, всё было сложнее. Супруг, не скрывая, считал её своей — она была куплена на деньги от наследства после смерти свёкра, а позже, когда не стало моего отца, его доля тоже ушла в жильё. Наследство поделили между мной и старшим братом, который вскоре ушёл из жизни. Эти деньги стали доплатой за новую «двушку» — мой будущий офис и пристанище. Однако оформить её пришлось на свекровь: только так мы могли получить от Министерства Обороны полагающееся бесплатное жильё, которое по закону не должно было числиться за членами семьи.

Свекровь всеми правдами и неправдами старалась меня уколоть. Она постоянно сравнивала меня с авторитетной старшей снохой, а позже — наших внучек, что больно било по самолюбию и моему, и дочери. Эта женщина, желавшая «добра», считала «двушку» своей с первого дня — искать варианты и торговаться выпало, как всегда, на мою долю.

Несмотря на удручающий вид нового гнезда, мы тогда были счастливы. В нашем доме звучало только одно местоимение — «мы».

К слову, о доплате: в покупку этой квартиры вложились и мои родители. Родительское наследство с обеих сторон дало молодой семье независимую финансовую подушку. За десять лет, что мы там прожили, я лишь наводила косметику, приводя стены в порядок благодаря своему художественному вкусу.

Проблемы с мужем начались с приездом деверя. В том же возрасте его накрыла «бессовщина»: он не мог найти себе места, а мой супруг начал жадно впитывать советы и мнение брата. В тот момент я потеряла свою опору и осталась без мужского плеча, продолжая порхать по жизни, как мотылёк. Тучи сгустились неожиданно — сразу после рождения долгожданного сына, наследника двух угасающих родов. Деверь завидовал открыто, его поддерживали все родственники мужа: мальчик был последним продолжателем их фамилии. На моей стороне оставалась духовная родня: брат — крёстный отец, дочка — крёстная мать. Пришлось брать воспитание сына в свои руки.

А потом мы получили долгожданную «трёшку» улучшенной планировки. Мы были полны сил. Здоровье подкосило меня в первый раз, когда я в одиночку затеяла там капитальный ремонт. Сыночка — в садик, а я — на прогулочном велосипеде (с детским креслом на багажнике) мчала на строй-

ку, пока сох бетон. Денег хватало, я не считала их и не ограничивала детей ни в чём: игрушки, вещи, лакомства, развлечения... и так далее.

Машины у нас не было с самой свадьбы. Поначалу я, как порядочная жена, молчала: мы были молоды, жили в старом центре, и отсутствие авто не казалось проблемой. Но, став женой «декабриста», сосланной в город Х, я познала изгойное одиночество. Среди новоиспечённых «друзей по гарнизону» я была одна. Муж-капитан пропадал в командировках месяцами. Сотовой связи ещё не существовало, а городской телефон был далеко не у всех. Тяжело переболев простудой на ногах, я поняла: помощи ждать неоткуда, дорогу в будущее придётся пробивать самой. Пережив жар и агонию с маленькой дочкой на руках, я одномоментно решила — научится водить машину. Чтобы не зависеть ни от кого и не спускать деньги на такси.

Дочь росла, росли и потребности: кружки, секции, моя работа на окраине, куда не ходил нормальный транспорт, да и поездки к родителям. Для начала нужны были права. Работая в «блатном» местечке, я обратилась к главному бухгалтеру — мы с ним ладили, а он знал нужных людей (проще сказать, кого он не знал) в автошколе. Там учили водить на отечественных «инвалидках» — дешёвых, с передним приводом, дающих базовые навыки. Поэтому, едва закрыв больничный, я рванула на учёбу. Получив корочки, я стала горделивой птицей, радующейся самой себе.

Когда муж вернулся из очередной командировки и увидел во мне ошеломляющие перемены, он, очевидно, испугался. Моя решительная напористость и независимость, свойственная моему роду, всегда ревностно воспринималась его братом. При малейшем поводе они бросали в мой адрес колкости — я была самой младшей и самой яркой в своём клане, и это их раздражало.

ГЛАВА 24: МЕНЮ БОЛЬНИЦЫ И ИСКУССТВО ВЫЖИВАНИЯ

Обед в больнице напоминал скорее ритуал выживания, чем прием пищи. Борщ, похожий на красное подобие баланды, плавал в тарелке, словно напоминание о том, что даже в самых простых вещах можно найти что-то неприятное. Рисовая каша, размазанная по тарелке, выглядела как попытка скрыть отсутствие вкуса под слоем тушенки. А кофейный напиток, поданный в мизерных железных кружках, вызывал сомнения в его происхождении. Вся посуда была из металла, словно собачьи миски, это я приметила сразу - скорее всего в целях безопасности пациенток. Содержимое тарелок не вызывало удивления, лишь подчеркивало пренебрежительное отношение к больным.

Отказаться от пищи было невозможно — за каждым приемом еды следили, и это могло вызвать лишние вопросы. Поэтому пришлось смириться с тем, что есть, и не нервничать. К тому же, таблетки, которые давали пациенткам вызывали звериный аппетит до слез, поэтому сметали всё, что было на

столе, готовые шагать друг другу по головам.

После обеда начался обход. В палату вошли врачи и, похоже, экстерны, внимательно слушающие диалог врача и пациента. Мой доктор, Сергей Александрович, внешне напоминающий Фрейда в юности, вел беседу нараспев, словно его переехал трамвай. Когда очередь дошла до меня, он немного задержался, ведь его красноречие оставляло след не только на бумаге, но и в устной форме.

Мне нужно было решить несколько вопросов: в первую очередь — задать уверенный тон здорового человека, осознающего серьезность ситуации. Доктор не успевал договорить, как я четко и конструктивно отвечала, подкрепляя свои слова схемой, иллюстрирующей давление со стороны семьи. В итоге врачи невольно собрались вокруг нас, вслушиваясь в диалог и слушали, раскрыв рты. Мне было чуточку неприятно, но отступать было некуда, либо ждать следующего обхода пришлось бы полтора суток.

Я рассказала о своем самочувствии и плане лечения, добавив, что хотелось бы добавить снотворное, так как организм привык к лекарству, и режим отдыха стал пролонгированным. Доктор, поправив очки, с умным видом взглянул на мою схему и спросил, готова ли я вернуться в семью. Я ответила, что еще не готова, и добавила, что верю в чистосердечное признание, облегчающего постановку диагноза.

Следующий вопрос был о том, кажется ли мне, что меня преследует некий человек, связанный с писательством. Я от-

ветила, что мне не кажется, а реально с ним общалась, как в эту минуту разговариваю с ним. Конечно, я могу соврать, но считаю нужным говорить правду — этот человек вполне реальный, и у меня есть доказательства. Единственное, что меня сильно беспокоит, — это машина, которая находится не зарегистрированной в автосалоне. Лечащий врач попытался начать браваду, но я резко и не многословно парировала: "Да! Нужна и точка".

Спокойный и уверенный тон, с которым я вела диалог, заслуживал уважения. Выкурив целую сигарету после этого разно-эмоционального разговора, я приступила к следующим испытаниям.

ГЛАВА 25: БЕЛЫЙ ШУМ БОЛЬНИЧНЫХ СТЕН

Уже давно наступил тот самый «тихий час», когда большинство пациентов отдыхают, погружаясь в собственные мысли и воспоминания. Однако для меня это время было священным периодом творчества. Я вновь погрузилась в работу над своим повествованием, которое постепенно превращалось в исповедальное путешествие сквозь страхи и переживания.

Несколько часов назад эта страница моей жизни начинала складываться буквально на глазах. Два раза подряд моя любимая ручка оказалась совершенно пустой, оставив лишь следы высохших чернил на бумаге. Но новая волшебная ручка подарила жизнь моему воображению, и строки потекли сами собой. Они покрывали страницу словно дорожная раз-

метка, ведущей вперед в неизвестность.

Моя история стала своего рода путеводителем по безумному миру психиатрии, который внезапно стал частью моего существования. Я представляла себя участницей напряжённого дорожного движения: бесконечный больничный коридор, заполненный тяжёлыми машинами пациентов, каждый из которых двигается в своём уникальном ритме. Моя собственная машина мчалась вперёд, будто спортивная ракета, её двигатель ревел от избытка адреналина, а нога твёрдо держала педаль газа.

Может быть, это было следствием приёма препаратов, хотя таблетки поступали в организм малыми дозами, едва заметными даже самому внимательному наблюдателю. По всей видимости, мой разум решил возместить недостаток химии собственными силами, создав причудливую смесь иллюзий и реальности. Во всяком случае, именно тогда я почувствовала необходимость помолиться Богу и святым мученикам, прося у них защиты и убежища в период кризиса, грозящего свести меня с ума. Хотелось кричать на каждом шагу о том, что я нормальный — здоровый человек, совершенно случайно оказавшийся в этом месте, но — это было бесполезно. Все пациентки были равны, таблетки были идентичны, а разница заключалась лишь в их количестве и частоте приёма, были в отделении более сложные пациентки, которые не вставали совсем.

Вечером ужин оказался настоящим праздником. Карто-

фельное рагу, кусочек солёного огурца и горячий компот заставили вспомнить домашнюю кухню, став символом возвращения к нормальной жизни. Правда, горячее питьё было редкостью в стенах учреждения, ведь правила запрещали подобные удовольствия пациентам с особыми заболеваниями. Здесь каждая деталь имела своё значение, будь то сладкий запах еды или простое человеческое общение.

Но мысль продолжала кружить вокруг собственной головы. Ведь порой кажется, что существуют исключения из любых правил. Например, ключи от старой квартиры мужа могли понадобиться срочно — возможно, и в правду — всё дело в отоплении или замене старых батарей. Или вдруг окажется, что наша общая соседка, известная своей любопытностью и любовью к сплетням, снова станет причиной беспокойства?

Эти размышления наводнили мою голову подобно туману, делая реальность ещё менее понятной. Я начала сомневаться в собственных воспоминаниях и событиях прошлой ночи. Куда отправилась душа моё и тело, пока я искала помощь в разных клиниках? Что произошло той ночью, когда я металась по области, пытаясь сохранить рассудок и обрести покой?

Именно тогда ко мне пришло осознание, что всё происходящее неизбежно ведет к чему-то хорошему. Моё новое кредо звучало громко и чётко: «Всё, что ни делается — к лучшему».

И вот, спустя некоторое время, после утреннего осмотра

врачом, выяснилось, что звонок в страховую компанию состоится не сегодня, а завтра. Завтра... Пусть будет скорее, это - завтра!

ГЛАВА 26: ФУНДАМЕНТ СЕМЬИ: КЛЮЧ К РАЗГАДКЕ

Проснувшись раньше обычного, я ощутила смятение и тревогу. Домашняя атмосфера, казалось бы, должна была принести спокойствие, однако утро началось неожиданно бурно. Муж, словно испуганный зверёк, ворвался в комнату для свиданий, его глаза блестели беспокойством. Его голос звучал решительно и напряжённо: “Нужно срочно решить проблему!” Я почувствовала беспокойство, едва справляясь с волнением. Ведь планы были расписаны чётко, встречи назначены заранее, деньги перечислены вовремя… Но жизнь иногда играет по своим правилам.

Итак, дело касалось ключей. Именно тех самых ключей, которыми открывается дверь моего личного пространства. Они стали причиной хаоса, начавшегося давно и продолжающегося по сей день. Связка, предназначенная для поддержания порядка, оказалась в руках другого человека, будто кто-то специально решил внести неразбериху в мою повседневную жизнь. Мой бывший супруг внезапно обнаружил необходимость контролировать всё вокруг, создавая ощущение полного беспорядка и отсутствия контроля над собственной судьбой. Даже сама мысль о поисках этих ключей заставляла сердце учащенно биться.

Однако моя ситуация осложнялась ещё одним обстоятельством: я находилась в больнице. Больничная палата стала моим временным убежищем, но чувство свободы и уверенности постепенно покидали меня. Врач внимательно выслушивал мой рассказ, задавая уточняющие вопросы. Когда речь зашла о ключах, он слегка нахмурился, выразительно поднимая брови. Я рассказала ему обо всём подробно, стараясь передать атмосферу замешательства и отчаяния, охвативших меня.

Но странность ситуации заключалась в том, что врач продолжал сомневаться. Казалось, он пытался разобраться в моих словах, мысленно пытаясь сопоставить факты. Наконец, поняв, что ничего конкретного не получит, врач предложил простое решение: “Давайте попробуем найти ваш рюкзак”. Однако именно тут возникла проблема: рюкзак находился далеко отсюда, вместе с моими вещами, принятыми под опись персоналом больницы. Чтобы вернуть хотя бы часть документов, мне потребовалось принять непростое решение: не позволить сыну и мужу распоряжаться имеющимися там ценностями, находящихся внутри рюкзака.

Это предложение вызвало у меня внутренний конфликт. Внутри рюкзака лежали документы, определяющие мою личную свободу и независимость. Там хранились свидетельства о браке, разводе, смене фамилии, свидетельства о рождении ребёнка, старые водительские права и многое другое. Всё это создавало основу моей жизни, давая уверенность и

защищённость. Отдать сумку тому, с кем наши взгляды не сходились, означало потерять частичку себя, своего внутреннего мира. Проиграть. Проиграть, чтобы победить.

Именно тогда я поняла, насколько важна эта связь между человеком и его личным пространством. Без неё мы становимся уязвимы, лишёнными опоры и поддержки. Моя решительность вернулась, как только осознала, что каждый документ в рюкзаке несёт особую ценность. Эти бумаги олицетворяли собой моё прошлое, настоящее и будущее, скрепляя нити судьбы, укрепляя связи семьи и любви к ней.

И вот теперь, стоя посреди больничной палаты, глядя на своё отражение в окно, я чувствовала лёгкость. Моё лицо выражало твёрдость и внутреннюю силу. Я приняла решение сохранить свой рюкзак «при себе», пока он снова не окажется рядом со мной. Пусть ключи остаются там, где они есть. Их отсутствие ничуть не уменьшит мою значимость и важность. Напротив, оно напомнит каждому, кто осмелится вмешиваться в мою жизнь, что настоящая сила заключается вовсе не в обладании какими-то предметами, а в способности сохранять внутреннее равновесие и доверие друг к другу.

Вот почему, несмотря ни на что, я продолжала улыбаться, смотря прямо в глаза врачу, уверенно произнося: “Всё хорошо, доктор. Мы разберёмся позже и я вам все объясню.”

ГЛАВА 27: МЕЖДУ НАДЕЖДОЙ И ОТЧАЯНИЕМ

"На Бога надейся, а сам не плошай"- означало в данной ситуации - не тревожить Боженьку понапрасну, поскольку

у него полным-полно таких нерадивых бедолаг. Позвонив в разрешенное время Аиде - умоляла ее открыть путь к исцелению и регистрации машины должным образом без потерь движимого имущества. Она с первого к ней обращения говорила, что у меня нервы расшатаны и нет никакого серьезного заболевания — нужно просто успокоиться и взять себя в руки. Легко сказать — не получалось.

Исписав на данный момент четыре шариковых ручки - пришла к интересной мысли, а точнее сказать к доказательной аксиоме по поводу взаимоотношений между мужем. Почему при сегодняшним вечернем разговоре - он отрицал перед сыном слежку, как и знакомство с неким, который звонил ему на телефон, заставляя свирепо ревновать, который питался моим талантом, как вампир насыщается человеческой кровью - их степень знакомства оставалась скрытой. Допуская мысль о постановочной декорации при встрече, несколько напрягала простота и внезапная подача истинной личности. Поскольку очень осторожный и скользкий человек, выдающий себя за Руслана Адельхановича. Если допустить, что телефон для связи был привязан к банковской карте и вызов на телефон был активен... Этот факт мог быть постановкой, ложной информацией, потому что найти о нем какую либо информацию в интернете не удавалось, кроме выхода на опасные страницы, в частности - экстремистов. Час от часу - не легче. Запретные мысли о нем, как голодные вороны, клевали мозг, то с одной, то с другой стороны:

* * *

Я не думать должна
О тебе не на миг…
Не приемлет душа
Хладнокровность интриг.

(Отрывок из стихотворения «Навсегда» - Марина Гребмаш)

Возвращаясь к мыслям о муже и наших исчерпавших себя отношенях, со своей стороны видела его удрученный взгляд и дело было даже не в этой критической ситуации, которую я ненамеренно создала. Он любил меня, как и прежде, но по каким-то причинам прятал это чувство глубоко в душе, не давая возможности выплеснуться наружу. Внешне - видна была его хроническая усталость. Закодировавшись, что само по себе означало, важность семьи и участия в судьбе сына, благодаря которому пошел на решающий шаг - бросить пить. Трезвым взглядом на жизнь - наши отношения не впитали в себя теплоту и нежность. Он остался таким же замкнутым и несколько потерянным, очевидно, испытывающий неугодные отношения по поводу эрозированного кожного покрова, унаследованного от отца и прогрессирующего по всей поверхности рук. Складывалось ощущение, что он дожидается отчёта времени, сколько отмерил Господь.

Некий страх смерти присутствовал, поскольку его отец погиб в возрасте к которому он подходил. Хотелось докричаться до мужа, что его отец погиб в результате несчастного

случая, употребляя алкоголь, что в его случае – шансы пожить имелись. С этой проблемой уже одной можно, было бы обратиться к специализированному врачу, но его упёртость мощным щитом перекрывала дорогу к комфортной жизни. Его излишняя самоуверенность в отличии от катастрофической нехватки моей. Которая глаголила - "возлюби ближнего", в ответ - "не ждите"- безусловно, в глубине души я хотела, да что там скрывать - жаждала взаимности и отдачи в отношении семейства, от всех и от каждого по отдельности.

Не исключаю, что оставшись в одиночестве со своими мыслями, так сказать со своими "тараканами" наедине - могла искажать происходящую действительность, считая себя самой - при самой несчастной женщиной на свете, хотя с объективной точки зрения мне было грех жаловаться на жизнь за исключением - отсутствия взаимопонимания. Ничего, страшного и от этого никто не умирал, но к творческой и чуткой личности - этот факт неприемлем и чреват, как мы видим негативными последствиями.

ГЛАВА 28: ИСКУССТВО ВЫЖИВАНИЯ В БЕЗУМИИ

В современном мире жизнь протекает быстро, а в замкнутом пространстве, типа психушки, оно теряется совсем. Лежишь и считаешь, сколько ночей осталось до выписки. Не успев потолкаться в одной очереди среди душевнобольных женщин, подходит момент следующей толкотни, в которой не было каких-то четких форм очередности, как в столовой.

Бритоголовые особы, по всему видать, отягощенные диагнозом, то и дело пытаются залезть вне очереди — без излишних объяснений и мотивации.

Причем щепетильный момент заключается в том, что гаркнуть на такую бедолагу считается плохим тоном и невоспитанностью, а отступать некуда — поскольку все равны, а степень болезни у всех разная. Да и развлекаться в больнице было нечем. Своеобразное неравенство среди равенства. Ничего тут не поделаешь, такова специфика учреждения.

Познакомившись с «коллегами по несчастью» нашей палаты, где именно *лежало* пять представительниц женского пола, мы начали вести короткие (слава богу) душещипательные разговоры личного характера. Таким образом, напротив меня лежала Екатерина Алексеевна, названная мной «Спящей красавицей», хыркающей и рычащей одновременно. Через граничащую с ней тумбочку располагалась молодая девочка в возрасте Христа — Катенька, которую я описывала ранее, а рядом с ней — Елена, живущая в поселке за триста километров от города. Она была примерно моего возраста, не имеющая детей и мужа, по всей видимости — даже бывшего.

Напротив нее большее время лежала женщина семидесяти четырех лет по имени тетя Валя — типичная пенсионерка, очень похожая на мою свекровь. С разницей лишь в том, что она была менее подвижна и не имела видимого невооруженным глазом нервного тика. Даже кнопочный телефон

совпадал с телефоном моей второй мамы — свекрови, которую я не хотела ни видеть, ни слышать. На примыкающей к ней кровати — ногами к выходу — лежала сухощавая женщина Маша, которую я окрестила «Ходун» или «Шахерезада».

Она изрядно напрягала меня своими противными предложениями: то открыть, то закрыть окно, то откинуть его в режиме форточки. Причем сама этого никогда не делала, объясняя тем, что у нее болят и не поднимаются руки. То же самое происходило с выключателем света в коридоре около палаты, где она перемещалась, как приведение, трахнутое по голове, в хлопчатобумажной косынке, повязанной, как чалма. Это навевало на всех, и на меня в том числе, раздражение. Она никогда не купалась и не меняла одежду. Спала в чем ходила и спала строго на спине, даже когда захлебывалась кашлем. Своим видом Маша навевала на окружение тоску, все время ходила, как привидение, разрушая наши сны. Мумия, лежащая в гробу психической усыпальницы.

Надо отдать должное: наша палата была относительно небольшой, и представители её считались тихими, с приблизительно одинаковым диагнозом. Удивительно было то, что каждая из женщин поодиночке казалась вполне вменяемой и адекватной, а если смотреть масштабно — складывалась удручающая картина. К примеру, одним из развлечений в данном месте считается толчея в очереди, где с легкостью и непринужденностью можно испытать раж, внедряясь в пер-

воочередность без спроса, на шатучей скорости, как я описывала ранее.

Проскочить вперед без всякого рода ограничений — победа, а уйти от осуждения толпы — награда. Дилетантов ждет повторение на повышенных тонах санитаров, выпроваживающих обратно, поскольку они уже принимали пищу, и добавок не предвиделось. Казалось бы, можно было отказаться от этой безвкусной еды, забиться в угол на своей кровати, не курить и не высовываться из палаты, с ненавистью поглядывая, как загнанный зверь, на входящих. Но (!) что-то мне подсказывало: это не выход из сложившейся ситуации, и надо как-то аккуратно отсюда выбираться, пока я действительно не сошла с ума!

ГЛАВА 29: МЕЖДУ ТЯГОЙ И ТРЕВОГОЙ

Утро началось со самостоятельного пробуждения, и на этот раз дух бодрости преобладал над усталостью. Искромётный объём шуток, которыми я обменивалась с товарищами по палате, добавил этому дню лёгкости. Я старалась удерживать баланс между беззаботностью и серьёзностью: обстоятельства вынуждали проявить максимум ответственности. Связь была нестабильной, раздражающе непостоянной, словно нелюбимый родственник, который редко появляется, но приносит массу неудобств. Лишь после четвёртой неудачной попытки удалось наконец дозвониться до супруга, чтобы обсудить срочные дела.

И тут — новая неприятность. Открыв в мессенджере

группу колледжа сына, я обнаружила пропущенное сообщение: его имя красовалось в списке отсутствующих. Дозвонившись до ребёнка, я выяснила правду: сын попросту проспал и решил прогулять занятие. Чувствуя ответственность матери, я решилась на отчаянный шаг — сочинила оправдание для куратора. Быстро вспомнив свою первую работу делопроизводителя в воинской части, я в лучших традициях канцелярии создала официальное письмо-обращение с формулировкой: *«Сын пропустил занятия по причине семейного происшествия — моей экстренной госпитализации вследствие стресса»*. Добавила вежливое обещание исправить ситуацию и искренне попросила прощения за непредвиденную задержку уведомления.

Связь снова подвела. Ощущение зависимости от телефона переносилось болезненно, будто сердце замедляло ритм каждый раз, когда сигнал пропадал. Всего пара часов в сутки разрешена для пользования мобильником, а оставшееся время ощущается мучительным, пустым ожиданием важного звонка или сообщения. Когда же выдавали долгожданный аппарат, пальцы дрожали сильнее, чем у старца с многолетним стажем употребления алкоголя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.